

МАКС ГАЛЛО

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МАКСИМИЛИАНУ РОБЕСПЬЕРУ О НОВЫХ ЩЕГОЛЯХ

Фрагменты книги

Перевод с французского Л. ТОКАРЕВА

Тражданин Робеспьер!
Я не хотел тревожить
твой сон.

Ибо с того дня 4 мая 1789 года, когда ты вошел в Историю вместе с другими депутатами Генеральных штатов, которые шествовали в Версале по Парижской улице, тебе не давали покоя.

10 термидора 1794 года тебе отрубили голову, но продолжали тыкать в тебя пальцем, вспоминать тебя, — чаще проклиная и обвиняя, реже — хваля, — будто жаждали оправдать пророчество, оброненное тобой в последней речи: «Смерть — начало бессмертия».

Однако некоторые полагали, что через двести лет после взятия Бастилии мы наконец сможем беспристрастно и зорко взглянуть в огромное зарево «твоей» революции.

Полагали, что к двухсотлетию, которое вскоре будут торжественно праздновать повсюду, Французская революция, чей призыв к Свободе, Равенству и Братству глубоко проник в умы людей всех континентов, чью «Марсельезу» распевали на всех языках, и ее клич, брошенный в лицо властям, был подобен трепещущему на ветру знамени бунта, что «нашей» революции — этому перелому в национальной истории — уже не стать предметом ни одного катехизиса.

Лет пятнадцать назад мудрецы, избавившиеся от революционных страстей своей юности, уверяли нас: «Спор (о революции — М. Г.) в его политико-театральном аспекте в действительности представляет собой фарс или схватку призраков. В плане политики ничто и никто не угрожает в сегодняшней Франции делу Французской революции: после поражения фашизма позиция правых сил уже не определяется отрицанием революции 1789—1794 годов и Республики. В университетской науке у

«марксистской» (точнее, якобинской) историографии положение более прочное, чем когда-либо: у нее свои предшественники, традиции, каноны, своя вульгата, и нельзя утверждать, что она поощряет вкус к дерзости или нонконформизму. Короче говоря, Французская революция «властвует» в обществе и особенно в университетах».

И автор, невозмутимый иконоборец, заключал свой прогноз беспелеяционным утверждением: «Тем самым я лишь хочу сказать, что любой исторический спор по поводу Французской революции больше не преследует никакой реальной политической цели» (Франсуа Фюре. «Революционный катехизис». Журнал «Анналы», март — апрель 1971 г.).

Отдельные люди могли этому верить в 1971 году, и, оказавшись их анализ ситуации истинным, я не стал бы, гражданин Робеспьер, тревожить твой сон.

Но тебе, гражданин, прекрасно известно, что события никогда не развиваются по предначертаниям мудрецов.

Кстати, достаточно было проследить борьбу идей в десятилетие 1971—1981 годов, чтобы понять, что Французская революция и на этот раз не смогла вырваться из магнитного поля идеологических сил, которые — не важно, к счастью нашему или к сожалению, — составляют основу политических споров.

Разумеется, всегда можно устало и горестно рассуждать о том, что столкновение «синих» и «белых» историков только вредит пониманию революции, а идеологические «крайности» лишь подкрепляют друг друга своими непримиримыми страстями: «оказывают взаимную помощь, стремясь обеспечить себе гегемонию в собственном лагере» (Фюре, 1986 г.).

Но сей глубокий, исполненный горестных сожалений вздох разочарования, что доносится из благоразумного «болота», никому не мешает.

Все разоблачают «ленинистско-псевдонародную» вульгату, «якобинских» историков, капуцинов марксизма, чья «историография, проникнутая духом манихейства, сектантства и консерватизма, подменяет понятие оценочным суждением, причинность — конечной целью, дискуссию — авторитарным суждением» (Фюре).

Каждый спешит забыть свой гвоздь, и вот уже «приличный» профессор, член Института¹, а не какого-нибудь Центрального Комитета, бичует Революцию, как «немыслимый регресс в самом черном десятилетии (1789—1799) нашей истории».

Он же утверждает, что если «мы никогда не держали в руках письменного приказа Гитлера об истреблении евреев, зато располагаем декретами Барера и Карно², относящимися к Вандее. Кстати,— уточняет он,— всякий раз, проходя мимо лица Карно, я плюю в его сторону» (Пьер Шоню, член Института).

А «болото» уже волнуется: «В лучшие дни большевистской революции 1793 год казался предтечей 1917 года. В конце же XX столетия, когда умерла коммунистическая утопия, террор есть первый шаг к ГУЛАГу» (Фюре, журнал «Нувель обсерватёр», 1986 г.).

«Болото» надеялось, что наступит затишье. Но ветер попросту подул в другую сторону.

Значит, Революция и через два века после извержения вулкана не перестает обжигать нас...

Упоминание твоего имени, Максимилиан Робеспьер, и через двести лет дорого обошлось левым силам, ибо правые по-прежнему хорошо умеют им пугать.

Однако моя цель вовсе не в том, чтобы, взывая к тебе, подготовить защитительную речь.

К тому же зачем тебе адвокат? Ведь судят не тебя, а Революцию, потому что — и можно лишь пожалеть об этом — именно ты, твое имя символизируют Революцию в ее напряженной борьбе и величии, в ее противоречиях, мелочности и преступлениях.

Жорес не побоялся о тебе написать: «Да, в нем уживались священник и фанатик, у него была невыносимая претензия на непогрешимость, гордыня ограниченной добродетели, тираническая привычка обо всем судить по мере собственного разумения, и даже в своих личных страданиях — чудовищная сердечная черствость человека, одержимого идеями и в конце концов начинающего отождествлять себя самого со своей верой, интересы своего честолюбия — с интересами общего дела...»

По-моему, Жорес не разгадал твоих душевных терзаний, твоего возрождавшегося

¹ Французский Институт (основан в 1795 г.) состоит из Академий надписей и литературы, наук, искусств, этических и политических наук и Французской академии. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. ред.)

² Бертран Барер (1755—1841) и Лазар Карно (1753—1823) — депутаты Конвента и члены Комитета общественного спасения; после 8—9 термидора — противники Робеспьера.

на каждом шагу пессимизма, твоей околдованности поражением, которая — это очевидно — возникла еще в детстве и лишь подкреплялась усталостью вкупе с теми чрезмерными усилиями, что ты вместе с другими членами Комитета общественного спасения был вынужден предпринимать на протяжении многих месяцев.

Ты держал Революцию на вытянутой руке... И 9 термидора был побежден — в результате нервного истощения. Ты отдал всего себя, все отдал истории.

Вот видишь, гражданин Робеспьер, я тебя хорошо знаю. И тебе известно, что никогда я не воздвигал тебе алтаря.

Ты был всего лишь человеком, нередко одиноким, но твоя судьба слилась с судьбой решающего периода Революции.

Все дело именно в этой Революции, и каковы бы ни были твои недостатки, если придется делать выбор, я повторю слова Жореса, который, обращаясь к памяти монтаньяров II года Республики и рассказывая их историю, писал:

«Здесь, под солнцем июня 1793 года, подогревающим вашу жестокую борьбу, я на стороне Робеспьера и в Якобинском клубе сяду на скамью рядом с ним».

Но кто теперь посмеет написать такое?

Мода — либо соотношение политических и интеллектуальных сил, либо, еще проще, комфорт, осторожность, иллюзия или изысканность стиля, — наоборот, внушает, что ни в коем случае не следует делать выбор между двумя совершенно одинаковыми и в равной степени несущими ответственность лагерями.

«Существуют два верных способа ничего не понять во Французской революции: первый — это проклинать ее, второй — это ее прославлять, — пишет Франсуа Фюре. — Тем, кто ее проклинает, суждено равнодушно отнестись к бурному зарождению демократии. Однако им было бы затруднительно предложить нашему обществу иные основополагающие принципы, кроме свободы и равенства. Те, кто ее прославляет, не способны ни объяснить, ни даже разглядеть трагедий Революции — разве что могут прикрыть их дебильной ссылкой на «обстоятельства». Они не замечают изначальной двойственности этого события, объемлющего и провозглашение прав человека, и террор, и свободу, и деспотизм» («Нувель обсерватёр», 1986 г.).

Вот нас и предупредили, гражданин Максимилиан:

если мы отвергнем тезис, согласно которому уже в 1789 году террор и свобода были связаны, сплетены в такой тугий узел, что его не распутать и не разрубить;

если мы будем выдвигать на первый план то, каким ты был, твой характер, идеи твоей эпохи, средства, коими ты располагал, будем представлять людей такими, какими они были и как реагировали на события после тысячелетий покорности и варварства, монархии и божественного права;

если, в общем, мы будем говорить об этом, о «политике наихудшего», избранной двором, о войне и ее последствиях, то при-

дется бессильно прятаться за «обстоятельства» подобно детям, которые кричат, когда их застанут на месте преступления: «Это не я, это он виноват...»

Вот так, гражданин, даже лучшие открывают спор о Французской революции.

И все-таки, разве можно молчать? Разве можно не возвать к тебе? Ибо что слишком — то слишком.

Наступает время, когда надо, сохраняя рассудок, давать ответ.

На авансцене действительно толпятся некие субъекты, щёголи нового рода, что, закутавшись в тогу претенциозной учености, на все голоса поют нам, что революция — это «машина террора», творящая «первый идеологический геноцид».

Можем ли мы оставить без ответа подобные высказывания?

Они разыгрывают из себя людей благородных, с безутешной совестью; послушать их, так они «хотят отомстить за Вандею и послужить Франции».

И это они беспристрастные историки?

Они превозносят «просвещенное правление Людовика XV» (Шюно), ту дивную власть, что позволила колесовать Каласа³, казнила протестантских пасторов, подвергала пыткам невинных и четвертовала цареубийцу Дамьена!⁴

Прекрасная эпоха, великая справедливость, поистине «просвещенное правление»!

Зато у этих господ нет достаточно крепких слов для палачей сентября 1792 года⁵.

Ну, разумеется, кто стал бы защищать эту небольшую когорту убийц, сводимых с ума «обстоятельствами», угрозой прусского вторжения, реальностью войны и предательства, одержимых дикими страстями, не нашедшими выхода на протяжении веков?

Но почему, господа, рататели за добро и справедливость, вы умалчиваете о тех «отрядах Солнца»⁶, которые на юго-востоке Франции развязали «белый террор» и принялись резать — даже без видимости суда — якобинцев, заключенных после твоего падения, Робеспьер, в тюрьмы Экса или Марселя?

Тем лучше, если осуждаются варварство, насилие, преступление, скорое на расправу правосудие, кто же станет жалеть об этом? Но тогда, господа, не надо предвзятости. Нельзя выбирать из душегубов! Тогда обличайте не только санкюлотов и «синих»⁷, но также щёголей, золотую молодежь, наемных убийц, продавшихся аристократам, беспощадных шуанов.

Разоблачайте, господа, все виды насилия, или же позвольте мне заподозрить вас в

³ Дело Жана Каласа (1698—1762) — кальвиниста, казненного по ложному обвинению в убийстве сына, который якобы пытался перейти в католицизм, — образец религиозной нетерпимости.

⁴ Робер Дамьен (1715—1757) — солдат, легко ударивший ножом Людовика XV, чтобы напомнить тому об истинных обязанностях короля.

⁵ Резня 1792 года началась с уничтожения 2 сентября восставшим народом заключенных парижских тюрем.

⁶ Вооруженные банды, расправлявшиеся в 1795 году с якобинцами.

⁷ «Синие» (по цвету формы) — солдаты Республики.

том, что вы — всего-навсего пристрастные лицемеры, прекраснодушные люди, которые, возмущаясь одной частицей своего сердца, с блистательным безразличием позволяют изничтожить представителей противоположного лагеря.

А то и с удовлетворением наблюдают за наказанием «слуг дьявола», которых, впрочем, «спасают» при помощи гораздо большего греха.

Поэтому в эпоху «просвещенного правления Людовика XV» иногда бывало, что палач не спешил, вешал приговоренного, а потом отпускал петлю, чтобы преступник смог еще выслушать капучина, который советовал ему испросить милосердия Божьего.

Мне хотелось бы, чтобы подобные обряды вызвали у вас возмущение. Но вы слишком озабочены отлучением всех, кто хотел их изменить, и не вспоминаете о добром старом времени при Людовике XV, прозванном Возлюбленным, когда пытки были в порядке вещей.

Среди вас есть и такие, кто, боясь безвестности, если только они не пытаются любой ценой откеститься от собственного прошлого (одно время их считали «ангажированными» сторонниками левых сил) или отличиться, чтобы выглядеть лучше всех, утверждают, будто «ядерный страх есть следствие нового риторического языка, выдуманного литераторами-неудачниками, Робеспьером и Сен-Жюстом...» (Жан-Поль Доле. Журнал «Магазин литерер», 1986 г.).

Да, так и написано, гражданин Максимилиан, именно ты несешь ответственность за Хиросиму и Нагасаки, за распространение ядерных боеголовок, за «першинги» и СС-20!

Разве не ты употребил «устрашающую формулу»: «Смерть — начало бессмертия»?

Этого довольно, чтобы обвинить тебя в желании погубить человечество.

Не имеет значения, что ты произнес эту фразу 8 термидора II года Республики, зная, что ты обречен, и, может быть, желая смерти. Ты хотел успокоить себя, взывая к суду будущего.

Так нет же, гражданин. Если верить этому «мыслителю» образца 86 года, ты породил ядерный страх и грыз ногти с досады, что не написал великого романа!

Суди сам, гражданин Робеспьер, с чем мы пришли к двухсотлетней годовщине Французской революции!

В 1791 году утверждали, что на самом деле твое имя Робер-Пьер и происходит ты от цареубийцы Робера Дамьена.

В 1986 году говорят, что ты, пожалуй, ядерными взрывами поднял бы на воздух всю планету. Ты мог бы оказаться предком Сталина и Гитлера.

Ты можешь представить себе это, гражданин Максимилиан?

Разумеется, к оскорблениям и клевете тебе не привыкать.

Тебя уже превращали в «жалкого рохлю», напудренного развратника, гомосексуалиста-преступника, потому что ты был

якобы ревнивцем и импотентом. Теперь поднялись на ступеньку выше. И вот ты, в бункере твоей революции, оказываешься параноиком и неудачником, готовым решиться на ядерное заклятие человечества, чтобы забыть о неудовлетворенном литературном самолюбии!

Ну, а «синие», солдаты Республики, кто же тогда они, если не эсэсовцы?

Кстати, нас уверяют, что в Вандее на мундирах «синих» красовался череп, как и у верных слуг фюрера. А наш историк из Института пишет: «Садистские действия колонн Тюро⁸ равны действиям СС, аппарата ГУААГа и красных кхмеров».

Беспристрастно, как и полагается видному университетскому ученому, суждение, оценка научная и нисколько не анхроничная!

И вот эти господа дают уроки объективности, аполитизма, исторической науки!

Но самое серьезное заключается не в этом.

В конце концов, начиная с июля 1789 года, всех людей, ввязавшихся, подобно тебе, гражданин Робеспьер, в схватки эпохи, борющихся против Двора и вековой мощи существующего строя, осыпали оскорблениями и ложью.

Правда — так обстояло вплоть до 1970-х годов, — раздавались и другие голоса. Люди пытались опровергнуть клевету и установить факты.

Сегодня — если не учитывать коллоквиумов, где вырабатывается ученая, тщательно документированная история, а также работ нескольких историков, — именно приверженцы самых реакционных тезисов контрреволюции (я к этому еще вернусь) оказались в привилегированном положении.

Все дело в конъюнктуре, гражданин Робеспьер.

Они оплакивают и прославляют убитых шуанов. И хорошо, что оплакивают. Мертвые имеют право на утешение многолетней преданностью.

Но кто вспоминает о парижских демонстрациях, расстрелянных без предупреждения, о зарезанных «синих», о республиканцах, которых ловили и убивали, о якобинцах, приконченных в тюремных камерах?

Кто помнит о попытке предательства, о выборе наихудших мер, обдуманых и осуществленных монархом, давшим, однако, клятву восторженным и наивным гражданам?⁹

Пришла пора снова сказать об этом.

Не для того чтобы, подобно «щёголям», выражать свои мысли с сумасшедшей безудержностью, с таким презрением, таким фанатичным ослеплением, таким исполненным ненависти высокомерием, какого, помоему, никогда не видали и в худшие времена «ленинистско-псевдонародной вульгаты», но чтобы восстановить последователь-

ность событий, ответить на пристрастные рассказы, замаскированные под исторические труды, хотя они представляют собой всего лишь повторение старых контрреволюционных перегибов.

И надо будет также четко выявить ответственность всех участников событий 1789 года.

Ибо неверно — пусть каждый и несет за них свою долю, — что ответственность эта была поделена поровну. И здесь делаем выбор не мы, а сама история.

Эта задача не терпит отлагательства, потому что, как в самые мрачные периоды истории нашей страны, Революция оказывается перед судом и, несмотря на внешние признаки, сам дух Республики ставится под сомнение.

Но прошу вас, господа, не забывайте о логике.

Если санкюлоты — убийцы, если солдаты II года — эсэсовцы, если Республика повинна в «геноциде», тогда нужно стереть с фронтонов общественных зданий слова «Свобода, Равенство, Братство».

Почему бы к примеру, не заменить их словами «Труд, Семья, Родина?»¹⁰

Почему бы не придушить Республику, эту «нищенку», рожденную во времена жуткого упадка, и не назвать наш режим «Французским государством»?

Многие из этих господ — в чем я уверен — предложили бы поступить именно так, но сие уже было однажды проделано в 1940 году, при весьма специфических обстоятельствах.

Родную землю оккупировал враг. Таким образом воплотилось в жизнь заветнейшее желание короля Людовика XVI и аристократов, которые руководили шуанами на Кибероне¹, облачившимися в мундиры чужой, английской армии и сражавшимися против армий нации.

Как видишь, традиция очень живучая, гражданин Робеспьер.

Но эти господа не задерживаются на периоде 40-х годов, который должен был бы вызывать у них полное удовлетворение.

Неужто он их смущает?

В конце концов, если «преступница» — Революция и ее дочь — Республика, их символы будут изгнаны с фронтонов государственных учреждений, а их сторонники — из дворцов и со своих должностей, разве не будет это благом для страны?

Разве преследование левых сил, республиканцев и франкмасонов не было все-таки средством покончить с этой «крохотной, но опасной раковой опухолью нашей истории» (Пьер Шюно)?

Быть может, гражданин, их смущает присутствие нацистов, а не то они взяли бы на

⁸ Луи Тюро де Гарамбувиль (1756—1816) — один из начальников Национальной гвардии; главнокомандующий Западной армией, создавшей в 1794 году в Вандее безжалостные «адские колонны».

⁹ 14 июля 1790 года, в день Федерации, Людовик XVI дал клятву Нации — «следить за соблюдением законов».

¹⁰ С июля 1941 года — девиз правительства Петена, призванный заменить национальный лозунг «Свобода, Равенство, Братство».

¹¹ На полуострове Киберон (Бретань) в июне 1795 года при поддержке англичан высадились эмигранты-роялисты. Были разбиты республиканскими войсками генерала Л. Гоша.

себя ответственность за тот «здоровый» момент нашего прошлого.

Верно, что с такой точки зрения история второй мировой войны еще не окончательно «пересмотрена». На это требуется время. Нельзя одним махом убедить общественное мнение в том, что газовых камер не существовало, а истребление евреев было обманом. Университетские умы тут, разумеется, кипят всюду. Другие «историки» пытаются взвалить на Сопротивление ответственность за развязывание так называемой «гражданской войны», которая, по их словам, расколола покоренную нацию. Разве не верно, если следовать их доводам, что «сопротивляться» — означало провоцировать, как они доказывают, оккупантов и вишистскую милицию, вступать в порочный круг репрессий и гибели заложников? И не будем забывать о «преступлениях» эпохи «Освобождения»...

Короче говоря, пересмотр идет полным ходом, но пока не завершен. С тех черных лет прошло всего-навсего менее полувека, а чтобы стереть из памяти людей шесть миллионов жертв и все Орадуры, нужен гораздо больший срок.

Может быть, лет двести.

Ведь хватило же некоторым двух столетий, чтобы забыть о веках угнетения и представить революционные события 1789 года, заложившие основы Декларации прав человека и гражданина, началом... угнетения.

Сейчас, однако, эти господа умалчивают о 40-х годах — времени официального триумфа тезисов, которые они сегодня отстаивают.

Вот почему столь интересно поразмышлять о судьбах историографии Французской революции.

В 1939 году, например, к ее 150-летней годовщине, «Жё сюи парту» — этот блестящий антисемитский еженедельник, которому предстояло прославиться между 1940—1944 годами, — посвятил специальный номер убийце Марата Шарлотте Корде и вандейским крестьянам. И выдающиеся историки Бернар Фаи и Пьер Гаксотт издавали тогда серию исследований, чтобы указать — и они туда же! — на «раковую» опухоль революции, которая воздвигла «стену между прошлой и сегодняшней Францией».

И когда в 1940 году правительство Виши — Французское государство, уже не Республика — стало хозяином того, что осталось от страны, оно решило съечь экземпляры книги, написанной историком Жоржем Лефевром к 150-летию Революции! Он ведь славил в ней «великих предков»!

С одной стороны, ученые и добросовестные «ревизионисты» действительно изничтожают — по справедливости, гражданин Робеспьер, по справедливости! — догматизм тех марксистов, что не читали Маркса, тех сухих историков, что превратили революцию в смену этапов, будто история — а история революционного взрыва более, чем любая другая, — не была прежде всего се-

рий «неожиданностей». Не вращением шестеренки — буржуазная фаза, народная фаза и т. д., — но именно сплетением инициатив, противоречий, приливов и отливов, слепых заблуждений и страстей, несомых великим потоком глубиной Истории, то есть всевозможных историй, умонастроений, разных сословий, укладов экономики....

Итак, сомнительного достоинства сооружения — популистско-ленинистская и якобинско-большевистская «вульгаты» — под ударами критики рухнули.

Рухнули совсем легко потому, что исчерпавший себя советский миф и несостоятельность в 70-х годах коммунистических партий, утративших свою «историческую творческую силу», оставили последних университетских представителей марксистствующей историографии в одиночестве на кафедрах или наедине с архивными папками.

Тщетно они отстаивали, прикрываясь своими категориями (буржуазная революция, переход от феодализма к капитализму и т. д.), свою идею революции. Для них 1789 год был преамбулой революции 1917 года, а большевики — наследниками якобинцев 1793 года (Матгез. «Большевизм и якобинство», 1920 г.).

Такова была атмосфера 70-х годов.

В 1965 году два историка, некогда связанных с коммунистической партией (Фюре и Рише), опубликовали книгу «Французская революция», которая порывала с «вульгатой». В 1971 году они разоблачили популистско-ленинистский «революционный катехизис», что явилось неизбежным поражением сторонников так называемой «марксистской» историографии, объявлявшей себя продолжательницей Французской революции (так индейцы племени хиваро сохраняют голову врага, высушивая ее).

И это более напоминало разгром, нежели просто поражение, ибо все сообщество интеллектуалов сменило униформу.

Были выброшены кепка Ленина, кожаная куртка Троцкого, китель Сталина, френч Мао, и все облачились в белоснежные сорочки защитников прав человека.

От революции, о которой мечтали, потом от революции, которую предали, они перешли к революции, которую ненавидят.

И тогда как московские процессы объясняли тем, что и «во время Французской революции карали предателей» (Жан Брюа, 1936 г.) (и наоборот: Ленин был тобой, Робеспьер, а ты уже был Лениным или Сталиным), террор II года Республики превратили в «матрицу» ГУЛАГа.

Вот почему, гражданин Робеспьер, в один прекрасный день тебе предъявили обвинение в том, что ты несешь ответственность за ядерную угрозу и грядущие геноциды.

Ведь вместо того, чтобы заняться «деидеологизацией» истории Французской революции и добиваться последовательного возврата к хронологии, к исследованию преемственности событий, чтобы выявить — или восстановить — ее причины, погрешенные под порами всевозможных оправда-

ний, все безудержно предались новым речам.

Террор, например, предстает теперь не чем иным, как «волей к выработке, благодаря убийству врагов, доказательству реальности революции» (Клод Лёфор).

Поэтому процесс Революции, отказавшись от «дебильного» объяснения «обстоятельствами», снова выхолостили, лишили корней.

И отныне все свелось лишь к абстрактным материям и речам.

Послушаем же этих «беспристрастных», «аполитичных» историков, которых, если им поверить на слово, заботит только одно — установление истины.

Для них «глубинная логика революционного феномена, возникшего в 1789 году, есть логика устранения». Значит, Революцию делали ради уничтожения Другого.

Разве уже не 14 июля был убит г-н де Лоне, комедант Бастилии? А когда толпа отправляется в Версаль, чтобы привезти в Париж короля и королеву, это уже подтверждение факта: террор встал на повестку дня.

Итак, не может быть никакого выбора между «периодами», между «революцией либеральной» и другой революцией — «экстремистской». Все — Террор.

Рассказав — на свой манер — о сентябрьских убийствах 1792 года, один из «новых» историков делает вывод: «Революция — это целое. Каждый волен принимать или отвергать ее наследие, но всякий, кто одобряет это великое потрясение, должен безоговорочно принять варварское и кровавое насилие, придающее революции завершенность. Каждый француз, который испытывает восторг, читая великих левых ораторов Учредительного собрания, вспоминая о взятии Бастилии или победе при Вальми¹², как бы выпивает стакан человеческой крови, что, может быть, вовсе не пришлось делать мадемузель де Сомбрёй. Но здесь по крайней мере есть над чем задуматься» (Фредерик Блюш. «Сентябрь 1792 года: мотивы одной бойни», Лаффон, 1986 г.).

Видишь, какая ловушка, гражданин Робеспьер.

Тот, кто отказывается выпить «стакан человеческой крови», который убийца в сентябре 1792 года протянул мадемузель де Сомбрёй¹³ (а согласится на это разве чудовище), спасает тем самым свое достоинство человека перед лицом палачей и должен отвергнуть всю Революцию в целом: и 1789 год, и Декларацию прав.

И — да здравствует король!

Ловко, не правда ли, гражданин Робеспьер?

¹² 20 сентября 1792 года в битве при Вальми французская революционная армия одержала первую победу над австро-прускими войсками.

¹³ Дочь управляющего Дома инвалидов маркиза Шарля де Сомбрёй (1769—1795), арестованного по подозрению в попытке защитить королевскую семью в Тюильри 10 августа 1792 г., якобы выпила поднесенный ей «сентябрьскими палачами» стакан крови, чтобы спасти отца.

Значит, это и есть историческая правда, дозволенный нам выбор.

И все остальное в том же духе.

Там — надо выпить стакан крови, здесь — признать геноцид. Ибо геноцид творили не только в Вандее, но и по всей Франции: «Полмиллиона женщин, детей, стариков, а кое-где и мужчин, были убиты за одно единственное преступление — преданность вере отцов» (Пьер Шоню).

Кто же учинил это? Наши признанные университетские знакомцы отвечают: революция, которая была преступлением безбожников, дьявола. Более того, «революция нас разорила. Она остановила рост экономики, отбросила нас назад» (все тот же Шоню).

Право слово, гражданин Робеспьер, «твоя» революция — это какой-то разбой, какая-то бездна!

Слушай дальше: «Революция, искажающая мысли, навязывающая модель идеологии, развязывающая самую кровавую из всех религиозных войн в нашей истории, прежде всего представляет собой интеллектуальный феномен. Именно на уровне мыслей, их распространения и манипулирования ими надлежит исследовать то, что и завязалось на уровне мыслей».

Значит, надо будет отыскивать «вожак-ков», «испорченных», «лжеммыслителей», «завистников», «неудачников» — всех, ставших дурными пастырями и «манипулировавших» мыслями чтобы обмануть народ. С какой же целью?

Можешь сам догадаться, гражданин.

Ведь, если послушать этих «историков», «революция, будучи ложью, повсюду и без конца проливая кровь, а теперь проливает чернила во Франции, над некогда богатейшей провинцией христианского мира» (Шоню).

Однако достаточно хоть малой толики знаний или мужества, чтобы доказать очевидное: они лишь слово в слово повторяют все то, что самые «крайние», самые ограниченные, самые злобные из контрреволюционеров, самые пристрастные из историков Революции взапуски твердили с первых дней июня 1789 года.

Когда г-н профессор Шоню, как всегда высокомерно, заявляет, словно вдруг сниходя до нас с откровением, что Революция — это «краковая опухоль», что, будучи ложью, она «повсюду и без конца проливала кровь», вспоминаются строки, которые ультрароялист Больё написал в 1820 году в своей «Истории революции»: «Французская революция представляется воображению в виде длинной змеи, например, страшного удава, который, отравив своими ядами землю, где он прополз, похоже, отдыхает. Но остерегайтесь подходить к нему. Он спит притворным сном, сном вероломства. Если он и отдыхает, то лишь для того, чтобы накопить свежего яда».

Вероломство? Ложь? Разрушение богатейшей провинции христианского мира, геноцид?

Ультрареакционеры научили мыслить этих «историков», которые намереваются

провозгласить истину о Революции в тоне отлучения от оной всех остальных.

На самом деле их анализ не дает ни единого нового аргумента, а в их ненависти нет ничего неожиданного.

Борьбу начали полемисты, которые все лето 1789 года и вплоть до 1792-го мужественно сражаются с пером в руках, защищая королевскую власть.

Это либо священники, вроде Руайу или де Фонтене, либо журналисты, вроде дю Розуа, Ривароля или Сюло. Они издают газеты живые и резкие по тону, такие, как «Деяния апостолов», «Национальная политическая газета», «Всеобщая газета, или Друг короля». Кстати, они и себя называют «Друзьями короля». И гордятся своими взглядами.

Они упорно метят в тебя, гражданин Робеспьер. Ты и Марат, а заодно все члены Учредительного собрания, депутаты Законодательного собрания — каждый день вы подвергались их нападкам.

Что писали они, начиная с 1789 года? Что Революция вышла из заговора масонов, что якобинцы образуют секту и можно их опознать по «стрижке в скобку, по их бешеным жестам и лицам».

Что якобинец «по натуре своей напоминает тигра и белого медведя. Внешность у него скотская и грубая, походка тяжела. Вид угрюмый, рожа мерзкая, волосы короткие. Жестокый и хищный, он убивает ради наслаждения убивать».

Здесь ненависть живет в каждом слове, ибо то было время беспощадной борьбы. Поляемисты призывают к убийству, к возмездию.

Они объясняют «революционное движение» главенствующей ролью масонских принципов.

«Равенство между братьями... всюду разрушительное братство всех сословий; все политические договоры, все социальные организации равны...»

Тем самым, согласно «Друзьям короля», масонство было первопричиной «распадения» общества. И «якобинские клубы» действуют по образцу масонских лож. «Они руководят мнением черни, властвуют над управителями, диктуют приговоры судьям».

Вот что печатали в роялистских газетах, одновременно разоблачая губительное влияние «философии», роль «зависти», «ревности», те низкие инстинкты, которые наравливают неудачников, заурядных людей и лжемислителей против всего, что является собой порядок, иерархию, тысячелетнюю красоту аристократии и монархии.

Все это написано талантливо. А систематически будет изложено в 1797 году в большой книге аббата Баррюеля.

Этот труд, «Записки по истории якобинства», сразу стал «бестселлером» всей эмиграции, каждого врага революции в Европе, всех тех, кто верит, будто революция — плод масонского заговора.

«В середине столетия встретились три человека, — объясняет Баррюель. — Все трое

питали глубокую ненависть к христианству: то были Вольтер, д'Аламбер и Фридрих II, король прусский...»

Они замышляют заговор, плодят секты иллюминатов¹⁴ по всей Европе, вербуют сторонников и выбирают местом действия Францию...

«День восстания был назначен на 14 июля 1789 года... В этот день требования свободы и равенства стали раздаваться вне масонских лож. Шифрованная передача сообщений была у иллюминатов так хорошо налажена, что все бандиты и все братья восстали в одну и ту же минуту».

Вот что пишет Баррюель, вот какова история 1789 года с точки зрения контрреволюционеров. И сам Баррюель только черпает свои идеи в полемическую, роялистскую прессу, которая измышляет эти пояснения, ежедневно бравирует своей ненавистью в борьбе между королевской властью и теми, кто жаждет иного — прежде всего и только лишь конституционной монархии, а после и теми, кто рвется защищать первые завоевания.

Разумеется, все это выдумки.

Разумеется, книга Баррюеля — «вымышленное» повествование, пристрастное и пропагандистское. Но аббат утверждает, будто он «опирался на факты и имеет доказательства», свидетельствующие, будто все происшедшее «творилось величайшими злодеями».

В самом начале революции, в 1789 году, уже существуют «Друзья короля», их манера переживать и понимать события.

Баррюель — первый, кто обобщил их писания, но в 1790 году другой человек, обобщавший факты, использовал те же источники. В своих «Размышлениях о Французской революции» англичанин Эдмунд Бёрк тоже утверждает, подобно Риваролю, «Друзьям короля» и Баррюелю, что революция вышла из заговора парижских философов-атеистов. И добавляет, что этих одержимых отвлеченностями и духом системы людей увлекла надменная метафизика, потому-то они забыли о действительности, отвергли требования прагматизма, порвали с прошлым.

Они «безумцы», эти французские философы! Как отличается их революция от революций — английской — скромной, основанной на опыте, укрепляющей, обживающей и приемлющей традиции, то есть революции образцовой. Английская революция вдохновляет революцию американскую и опровергает отклонение с пути праведного, бред, крайности, как сказали бы сегодня — «заскоки» Французской революции.

«Вы могли бы, — писал Бёрк, обращаясь к французам 1790 года, — если бы захотели, воспользоваться нашим примером и, добившись своей свободы, придать ей достойный облик...»

Как и «Друзья короля», у которых он заимствует эту мысль — с исторической точки зрения недоказуемую, — Бёрк утверждает, будто у Франции была старая, по-

¹⁴ Иллюминаты — члены тайного общества, возникшего в 1776 г. в Баварии, близкого к организациям масонов.

рожденная монархической традицией «конституция». Конечно, положения ее устарели, «но у вас оставались еще обломки старых стен и полностью сохранившийся фундамент этого древнего и почтенного замка... Вы могли бы восстановить стены и начать строить на старом фундаменте...»

Увы, этого не случилось!

Одержимые «отвлеченностями и духом системы», который породили секта философов, якобинские и прочие клубы, эти ложные, сухие и абстрактные умы, французы порвали с прошлым. Пагубные заскоки и разрыв с прошлым были не результатом событий, не реакцией на политику наихудшего и т. д., но следствием «безумных и ложных идей».

«Прежние Генеральные штаты давали вам все преимущества,— продолжает Бёрк,— однако вы предпочли действовать так, словно вас не коснулось просвещение и вам надо было все создавать заново».

Бёрк, как мы видим, уже отвергает «дебильное» объяснение событий обстоятельствами. Все дело — в «теории», «ответченностях», в идеологическом бреде.

С одной стороны—естественная, умеренная, справедливая, совершенная английская революция.

С другой стороны — порожденная духом системы, философами и сектами, сотканная из крайностей и безрассудств, злокозненная Французская революция.

Источник сведений — статьи роялистских публицистов, находившихся в гуще событий. И два человека, обобщающих факты,— Баррюель и Бёрк. Вскоре появится и Жозеф де Местр. А сие значит, что все уже сказано. Английская революция — это «норма». Французская революция — «идеологическое безумие».

Издательство «Коперник» представляет нам еще одного героя новой историографии Огюстена Кошена: «Кошен попытался показать, что французский народ никогда не был соучастником того, что Поль Бурже называл «преступной идеологической и грабительской затеей, построенной на софизмах и убийствах и логически завершившейся террором»¹⁵. Кошен также был первым историком, подчеркнувшим важную роль, которую сыграли в предреволюционные годы ученые общества, отметившим основную роль «культурной власти» в потрясении социальных устоев».

Позиция г-на социолога Жана Бекле-ра, автора предисловия к «Духу якобинства» Кошена, столь же абсолютно ясна, но поскольку он претендует на объективность университетского ученого, то пользуется другим языком.

Кошен, объясняет он, выявил «оригинальную черту Французской революции и главенствующее измерение демократической современности, то, что сегодня мы назвали бы идеологическим тоталитаризмом».

¹⁵ Стоит отметить в цитате из Бурже сплошь сегодняшнюю лексику — «идеология», «софизмы», а в итоге «логически» — террор. Бурже — вот еще один предшественник наших мыслителей и щёголей. (Прим. авт.)

«Можно ли праздновать годовщину Французской революции?» — спрашивает себя в одном примечательном тексте Мона Озуф, одна из тончайших аналитиков революционной атмосферы.

«Ибо Французская революция представляет собой событие... которое раскололо надвое историю Франции, а также французов», тогда как «годовщина» стремится к примирению сторон.

Впрочем, как праздновать эту «революцию» — больше проблему, нежели очевидность? — задает она и другой вопрос.

И к чему, ведь «логичность «защиты Республики», придававшая смысл празднованию столетия Революции, изжила себя», а «что касается революционной логики, то... слово «революция», когда коммунистические эксперименты потерпели фиаско, полностью лишилось духовной притягательности...»

Но и вопрос Моны Озуф поставлен так же, как подают новые субъекты, титулованные щёголи, «великие историки» широкой публике накануне двухсотлетней годовщины истории 1789 года, все события революции — не как «проблему», исследование (каковым и должна быть любая история) действительности и французского общества, а как «очевидность».

Ведь им, наследникам Баррюеля и Бёрка, известно, что 1789 год, подготовленный горсткой вожаков, обернулся-де толчком назад, экономической разрухой, террором, геноцидом.

Короче говоря, попавшая к ним в лапы Революция — это, оказывается, зло. А если кого и надо прославлять, так святую мученицу Марию-Антуанетту, кого и надо превозносить, так Шарлотту Корде, истинную Жанну д'Арк, и кого по совести надо оплакать, так «доброго Людовика XVI». А «синих» остается лишь проклинать.

Революция — только ложь и геноцид. Она — «раковая опухоль», что разъедает наше настоящее, «ибо семя ненависти оплодотворило XX век», — делает вывод автор книги «Франко-французский геноцид» Рейнальда Сеше.

Вот ты, гражданин, и увидел в натуре «научный» метод наших великих историков и великих первооткрывателей. У них всегда под рукой горючий материал.

И посему опровергнуть их невозможно.

Они начинают с того, что положила руку на сердце и со слезами на глазах уверяют, будто сентябрьская резня 1792 года, террор, гильотина вызывают у них отвращение, будто необходимо исследовать этот преступный «тоталитаризм». И нам нечего возразить на сию обвинительную речь. Действительно, как защищать столь варварскую политику?

Но они не умолкают и продолжают разматывать клубок своих примеров. Вот они изучают ход законных, спокойно проходящих выборов, которые организовал король и правила которых никто не нарушал. Эти выборы возмущают их больше, чем террор. Их суждения пропитаны презрением к этой «раздробленной и сбитой с толку толпе», которой манипулирует «горстка всемогущих личностей».

Эти выборы и Генеральные штаты — нелепы!

Возмущение историков вызывают не террор или сентябрьская резня. Их возмущает демократия. Ведь демократия может обернуться для них только крахом, потому что в ее лоне процветает «homo ideologicus», тем самым развращая «ошалевшую массу».

Гражданин Робеспьер, здесь ты сталкиваешься с двумя главными понятиями новых щёголей.

«Homo ideologicus» — это вожак, думающий не то, что думают они.

«Ошалевшая масса» — это народ, несколько часов, дней или месяцев разделяющий идеи и планы homo ideologicus.

Этими двумя понятиями они объясняют все: 1789 год, год 1936 и год 1981. Даже год 1917.

Они поносят, презирают реальность, не понимают, каким образом рождает идеи жизненный опыт миллионов людей, как идеи воплощаются, уточняются, гармонично совпадают — часто на очень недолгое время — с чаяниями общественных групп, которые воспринимают их и с их помощью неуклобе, яростно, слепо пытаются хотя бы ослабить сковывающие их цепи.

Именно таких людей — сеятелей идей, надежды и справедливости — они и клеймят как «homo ideologicus».

Именно мужчин и женщин, разделяющих надежду — часто иллюзорную и всегда хрупкую, — на чуть лучшее будущее, на более дешевый хлеб, на время, вырванное у повседневного труда, чтобы жить чуть «посвободнее», — таких они и зовут «ошалевшей массой».

И неужели под тем предлогом, что некоторые (Клод Морган в 1939 году) действительно писали, будто «дух Сен-Жюста вдохновляет сегодня нашего товарища Сталина», мы должны отдать двухсотлетие в руки тех, для кого история Революции уже начертана Бёрком, Баррюелем, Тэнном или Кошеном?

Homo ideologicus и «ошалевшая масса» — уж не при помощи ли этих двух музыкальных ключей намерены они осмыслить бесчисленные песни, то слитные, стройные, то взаимодополняющие, то диссоциирующие, но всегда звучащие патетической симфонией Революции?

Чтобы воссоздать «сложность» события и «отметать» его как «проблему», прежде всего нельзя позволять догматикам задавать тон.

И вовсе не потому, что Сталина какое-то время изображали новым воплощением Сен-Жюста, стоит опровергать догматику иного сорта, которые пишут: «До первого ГУЛАГа додумались террористы 1793—1794 годов» («Фигаро», 30 ноября 1984 г.).

Что за странный исторический метод у наших новых господ.

Я показал тебе, гражданин, где они черпали свое вдохновение. Каких авторов переписывали, слегка подновляя синтаксис и словарь.

Но их подход к Революции не становится от этого менее характерным.

Революция, с их точки зрения, подобна «огненному шару», явившемуся невесте откуда, — в нем уже заключены вся ее «логика» и все ее истоки, — она словно некий «метеорит», упавший на благодатную почву Старого режима. Революции предшествовали лишь маленькие метеориты-провозвестники, тоже залетевшие неведомо откуда, то есть «ученые общества», «масонские ложи».

Поэтому Революция, понимаемая и изображаемая как «однородная структура», и ученые общества неотрывны друг от друга, вылеплены из одного теста... Homo ideologicus, говорю я вам, ничем не обязан своему окружению, экономическим и социальным реальностям, развертывание Революции никак нельзя объяснить «дебиальным оправданием обстоятельствами».

Ни одного «отрадного местечка» не найти в этой «культуре хаоса». Она поглотила нас. Революционеры — это «спонтанное поколение». Все берет начало в этой культуре хаоса, объясняется ею, разрешается в ней. Революция — метеорит, порожденный другим метеоритом, «философизмом», — возникла, как и следовало ожидать, в головах нескольких неудачников.

Вот почему, гражданин Робеспьер, ты считаешь, что нужно бороться с реальными угрозами, что перед тобой враги, которых следует сразить. «Победить или погибнуть», — говорили тогда. «Отечество в опасности», «Свобода или смерть» — такие провозглашались лозунги.

Но это было ошибкой, иллюзией. Ты был всего лишь игрушкой своей собственной «логики». Ты, как и волонтеры 1792 года, которые столкнулись при Вальми с прусской армией, все пали жертвами этого обмана, своего «революционного невроза», своих «психических расстройств».

Вы, чтобы осуществиться в качестве революционеров, испытывали потребность иметь врагов. Следовательно, вам необходимо было их выдумать.

Вы выдумали Людовика XVI.

Вы выдумали графа д'Артуа и его разговоры.

Вы выдумали Ларошжаклена и эмитрантов, которые высаживались на Кибероне, переодевшись в форму английской армии.

Вы выдумали князей и королей.

Благодаря своему «бреду» вы чувствовали, что живете: вы становились «революционерами».

Вы убивали не для того, чтобы уничтожать — варварским способом, кто ж с этим спорит? — врагов, которые хотели вас свалить, вы убивали невинных, чтобы «самоутвердиться», укрепить себя в мыслях о том, что вы — революционеры.

Но поскольку речь идет лишь о «воображаемом» продукте «логики» Революции, которая единственно в этой «логике» и отыскивает свое происхождение, свою судьбу, свои пределы и свои принципы развития, то все люди, борющиеся против Революции, как бы не существуют. Они существуют как нечто реальное лишь в мрачных и преступных грезах идеологов.

Они могут быть только «жертвами», безвинными мучениками,— ведь враги если и существуют, то лишь в больших головах «революционных идиотов»!

Противники Революции, «версальцы» года 1789-го и года 1871-го признаны невинными, непорочно чистыми.

Это Революция придумала их ненависть, чтобы утвердиться, тогда как совершенно очевидно, что доблестные караульные гвардейцы в замке Версаля нежно отнеслись к парижанкам, толпа которых 5 и 6 октября 1789 года пришла сюда требовать выхода короля.

А офицеры полков «национальной» гвардии, что усмирjali парижскую чернь в один из дней мая 1871 года, пылали любовью к Варлену, которого расстреляли, и к Валесу, за которым охотились.

Итак, история Революции больше не является сложной «проблемой», конфликтными и трагическими отношениями между членами одной, растерзанной, человеческой общности. История Революции — как и любая история, достойная этого имени,— больше не образует сумму всех взаимодействий и не является проявлением берущих начало в далеком прошлом самых различных причин. Для новых господ история Революции представляет собой развитие болезнетворного зародыша, появившегося на земле Французского королевства неведь почему.

Я догадываюсь, что нашим новым господам, нашим «бонапартам» эрудиции, желающим, чтобы их «метод» возобладал, а их доказательства стали неопровержимы, необходимо, чтобы Старый режим, Франция Людовика XVI были тем раем, той самой богатой провинцией христианского мира, на которую — о, проклятие! — пали семена «ученых обществ» и где развился революционный рак.

Им необходимо, чтобы ясное небо умиротворенной монархии прорезал дьявольский метеорит Революции.

Добиться признания этого — дело тонкое. Начиная с 1789 года, все говорят о «кризисе» Старого режима. Все современники — от Тюрго в 1776 году до маршала де Кастри в 1785-м — предупреждали суверена: «Хватит одной искры, чтобы поджечь и уничтожить страну».

Возмущения, страсти, скандалы, мятежи, фронды, затем восстание нотаблей и парламентов, суровые репрессии, повышение цен, катастрофические неурожай накануне 1789 года, усиление имущественного неравенства, привилегии, повсюду привилегии (чтобы получить звание офицера, с мая 1781 года уже требуется четыре колена дворянской родословной), защита всеми средствами этих привилегий дворянством, зачастую оказывающимся в безвыходном положении, одним словом, «аристократическая» реакция — таков Старый режим.

И вечно неравенство перед налогом. И вечны произвол и еще большее неравенство перед судьями.

На вершине системы — король, по божественному праву воплощающий «идеологический тоталитаризм».

Поэтому в царствование Людовика XV и князят протестантских пасторов, коле-

суют Каласа, отрубаяют голову шевалье де ла Барру, который не снял шляпы перед процессией Святых Даров.

Но будем милосердны и не будем углубляться в историю монархии, не станем говорить здесь о прекрасных, умильных воспоминаниях, каковы бойня в Варфоломеевскую ночь, отмена Нантского эдикта, драгоннады и т. д.

Гражданин Робеспьер, ты, который знал как адвокат о незаконии судебной процедуры и произволе правосудия, ты полагал, что все это очевидно.

Ты считал, будто с провозглашением Декларации прав человека и гражданина, переделкой всей судебной системы, что решено было осуществить с августа 1789 года, История показала, на чьей стороне были сторонники правового государства.

Ты думал, что благодаря тетрадам наказов, отлично разработанным курсам цен и заработной платы, очевидной реакции аристократии, увеличению числа восстаний судьбу Старого режима легко прогнозировать.

Кризис разьедал систему, полностью основанную на привилегиях и неравенстве и неспособную к преобразованиям.

Ты помнишь, гражданин, что в 1787 году один наблюдатель писал: «Как река не может течь вспять, так же совершенно немислимо, чтобы Франция надела порядок в своих делах и внесла последовательность в свои планы» (посланник короля Пруссии в Париже).

И будущее, как тебе думалось, подтвердит это предсказание.

Ты ошибся, гражданин Максимилиан.

Наши шёголы, чтобы подкрепить свою мысль о «революции-метеорите», все это изменили.

Прежде всего они, прикидываясь простаками, почти не говорят о Старом режиме.

Каково происхождение Революции? На это они не хотят тратить время. Homo ideologicus — вот и весь их ответ. Что вы морочите нам голову Старым режимом. Террор, убийства, геноцид — вот что надлежит исследовать.

И оставьте же Старому режиму его «сладкую жизнь».

Ну а король? Королева? Их политика? Поговорим лучше об их мученичестве. Ах, как трогательна исполненная достоинства прекрасная Мария-Антуанетта (на киноэкране — Мишель Морган), бросающая вызов своим пошлым обвинителям, которые жаждут крови и говорят гнусности!

Когда убивают женщину, это действительно чудовищно.

И к чему, гражданин, вспоминать Старый режим и его служанок, повешенных, сожженных заживо, клейменных каленым железом за то, что они украли какую-нибудь жалкую тряпку? Или о тех женщинах, которые в Париже попали в облаву, потому что не имели работы, и были посланы на край света? У тебя, гражданин, дурной вкус homo ideologicus!

Королева, как говорят, держалась с достоинством, заслуживающим восхищения.

Это правда.

А ты все не перестаешь удивляться. Когда один из наших щёголей рисует Старый режим, поверь мне, картина стоит того, чтобы на нее взглянуть.

Кризис никакого нет, забыты бесчисленные свидетельства о трудностях в конце правления Людовика XVI.

Разве Артур Юнг, английский путешественник, не совершил длительный поездку по Франции перед 1789 годом, оставив наблюдения, примечательные по ясности понимания, тонкости и уму? Но Артура Юнга отвергают.

«Папа» щёголей Фредерик Блюш «приглашает нас совершить по Франции более приятное путешествие, нежели путешествие Артура Юнга».

«Приятное» — вот подходящее слово и найдено. И в подтверждение цитируется заслуживающий доверия свидетель Сенак де Майян (противник Неккера, эмигрировавший в 1791 году, автор нескольких произведений против Революции... следовательно, наблюдатель беспристрастный!), который писал: «Именно в ту эпоху — в эпоху Людовика XVI — наши нравы были самыми кроткими, общество изучало обаяние, а все составляющие его классы наслаждались максимумом свободы, который предполагает монархическое государство».

Раз это говорит Сенак де Майян, значит, гражданин, так оно и было...

Поверь мне, гражданин Робеспьер, что наш щёголь все ясно видит.

Ты часто говорил о королевском правосудии, о кошмарных наказаниях, о колесовании. Ты отметил, что даже в 1785 году сожгли живьем какого-то вора-мятежника. И что в 1780 году отмена «предварительного допроса» не привела к отказу от отрубания кистей рук, от «сочетания колесования и сжигания».

Но почему же вы, ты и другие «идеологи», восстали против такого правосудия?

Как пишет наш «папа» щёголей: «Широкая публика и главным образом народные классы почти не интересуются смягчением судебных нравов».

Почему бы не оставить тело повешенного болтаться на виселице целых восемнадцать месяцев? Таков прекрасный спектакль, который продолжался в Герэ с января 1778 по июль 1779 года.

Он «зрелищен и увлекателен для толпы».

Но разве этого мало?

Есть кое-что похлеще, гражданин, и идеологи никогда об этом не говорят. «Папа» щёголь напоминает нам, что «приговоренные к смертной казни находят здесь (в публичном предании человека мукам. — М. Г.), то повод похорохориться, то предлог отсрочить наступление смерти».

Черт побери, ну, разве кто-нибудь еще посмеет критиковать подобные наказания или жаловаться на правосудие Старого режима, которое так нежно относилось к тем, кого убивало, поскольку оно позволяло обреченным выставлять себя напоказ?

Разве что homo ideologicus? Но ведь всем известно, чего добивается и чего заслуживает этот тип.

И точно так же, как видишь, если ты разоблачаешь варварские убийства, если ты без колебаний соглашаешься, что «сентябрьский террор — это темное пятно» (Мона Озуф), тебе все равно не простят напоминания о герцоге Брауншвейгском и «обстоятельствах».

Необходимо, чтобы «убийство» было выводом из единственно возможной безумной «логики» революции или результатом цинизма ее вождей.

Ты, может быть, считаешь, что мы также должны объяснять эти убийства более медленно протекающей и более глубинной историей: историей уходящего в прошлое склада мышления, в которую внесет ясность исследование, обратившееся к изучению поведения людей в том XVIII веке, когда оставляют висеть на перекладине повешенного человека восемнадцать месяцев кряду; когда осужденному публично вырывают язык; когда толпа присутствует при смертных казнях и наслаждается четвертованием, зрелищем тела, которому переламывают кости ударами железного прута, и видом сжигаемой живо женщины. И разрозот неотыгшый пепел костра, чтобы отыскать в нем кусочки костей и превратить их в реликвии.

Ты считаешь, что такая «этнология» сможет объяснить поступки «сентябрьских убийц», о которых рассказывают, будто они пожирали сердце и печень убитых ими аристократов.

Что под этим углом зрения Революция была всего лишь кровавым переломом, благодаря которому обнажилось общее состояние нравов.

Что в стране, где осужденному публично отрубают кисть руки, происходили варварские и первобытные ритуальные сцены, в ходе которых отдельные индивиды дикими способами осуществляли насилие, скрытое в тех обществах, что еще не вышли из предыстории цивилизации.

По этой мерке мы в самом деле смогли бы, гражданин, заново написать историю Революции. Следовало бы сделать это. И в этом случае обстоятельства действительно предстанут как «дебильное оправдание» или пена жизни.

Но кто напишет это?

Снова вытаскивают на свет Тэна, смешанного с Лэнотром, и вновь пугают нас ужасами, — очевидными! — чтобы заставить забыть о ходе событий, герцоге Брауншвейгском, да, именно о нем и о 10 августа, и указав на единственную их виновницу — Революцию.

Подобная история, которая топчется на месте, отступает назад и превращается в пропаганду под предлогом внесения в нее ясности, ничего не дает. Или, вернее, дает: она снимает ответственность с одного из действующих лиц, того, в чьих руках в начале пьесы находился выбор сюжета трагедии. А другого заранее осуждает.

Подобная история, гражданин Робеспьер, мажет историческую действительность кро-

вью для того, чтобы лучше вербовать сторонников в стан новых «мстителей».

И вот почему все мы останемся в «предыстории» человека, останемся дополнительными жертвами ее хаотического развития.

В Вандее творились ужасы. «На гражданских войнах убивают, что лес вырубают».

Но, доискиваясь правды о событии — особенно если оно отягчено пролитой кровью, — не следует начинать с умалчивания фактов, некоторых важных «деталей».

Чем объяснить то, что автор книги «Франко-французский геноцид» даже не намекает на систематические убийства шуанами «синих», совершавшиеся в начале восстания, до всяких репрессий со стороны республиканцев?

Разве убитые республиканцы не имеют права на память?

Итак, где же следы убийств «патриотов» в самые первые дни вандейского мятежа, 10 и 11 марта 1793 года?

Однако можно считать сотни «синих», которым хладнокровно перерезали горло и которых сваливали в канавы, которых связывали «гроздьями» по четверо, приканчивали и бросали в колодцы, а некий очевидец даже утверждает: «Вандейские женщины с жестокостью каннибалов... собственноручно вырывали половые органы у наших несчастных солдат».

Разве неуместно вспомнить, что все это происходило в марте месяце 1793 года?

Что в Вандее еще не было ни одной «адской колонны»¹⁶, что Республика еще не учинила ни единого побоища? И что разгулу варварства с первого дня мятежа положили начало именно вандейцы.

Таковы факты, они не оправдывают ничего из происходившего позже, зато многое помогают понять. Тогда как, умолчав о них, очень просто сделать вывод об односторонней виновности «синих», об идеологическом «геноциде».

Разве свидетельство охваченного возмущением и страхом патриота, который увидел в Машкуле канавы, что были заполнены трупами его братьев по оружию, не объясняют частично те события? «Никогда, друг мой, — писал он, — я не видел более ужасного зрелища. Проживи я хоть сто лет, и тогда оно будет стоять у меня перед глазами, в мое отвращение к злодеям, сотворившим сии жестокости, будет вечным...»

Зачем же умалчивать об этом, гражданин? Подобные факты не стирают ошибок Республики — в них одна из причин вандейского мятежа — и преступлений, которые будут совершены во имя нее.

Но наши щёголи не стремятся к пониманию обстановки.

Их возмущение избирательно. Поэтому связь событий — манифест герцога Браун-

швейгского¹⁷ или избиение «синих» в марте 1793 года — их не устраивает.

Поэтому они и не желают заниматься исследованиями по этнографии культуры, которые должны быть проведены на материале Революции.

Правда, подобные исследования должны дать ответ на вопрос, почему человечество медленно, несмотря на все препятствия, идет к большей сознательности. И Французская революция, невзирая на варварство, которое ей было свойственно, есть один из этапов этого процесса. Следовательно, щёголи отбрасывают Революцию.

И отрицают связь событий, которая ведет к выявлению «ответственности сторон» или хотя бы к их равновесию.

Ведь для наших щёголей есть добрые и злые, «белые» и «синие», порядок и беспорядок, «раковая опухоль» революции и «богатейшая провинция христианского мира».

Щёголям кажется, будто «белые» и «синие» не связаны ничем, даже взаимной ненавистью и яростной борьбой, вынуждающих и тех, и других участвовать в общем движении, независимо от убеждений и собственной воли.

Для наших щёголей единственно реальные понятия — это Добро и Зло, Бог и Дьявол, Король и Революция.

Их взгляды — полная противоположность позиции Жореса, который писал: «История — это странная схватка, где люди, борющиеся друг против друга, часто служат общему делу. Политическое и социальное движение — равнодействующая всех ее проявлений. Все классы, все тенденции, все интересы, все идеи, все коллективные или индивидуальные силы пытаются пробиться, развернуться, подчинить себе историю».

А щёголям нужно лишь выплеснуть свою порцию ненависти.

Они забывают о 98 погибших во дворе Бастилии, о призывах разрушить Париж, с которыми обращались к народу роялисты и герцог Брауншвейгский.

Они забывают о «синих», зверски убитых в Машкуле.

Поэтому они могут, подобно господину профессору Шоню, всякий раз, проходя мимо, плавать в сторону лица Карно, названного в память депутата Конвента. Каждый пыжится как может!

И они могут рассуждать о геноциде в Вандее.

«Но зато какой прекрасный консенсус и какое благоговейное молчание вокруг могилы Наполеона!»

О! Мне хорошо известно, что эта фигура и его царствование сложны. Ведь говорят же о Бонапарте как о «Робеспьере на коне».

Что он, как якобинец, приказал расстрелять герцога Энгийенского и объявлял себя наследником Революции. И что Карно, тот

¹⁷ 25 июля 1792 года главнокомандующий австро-прусскими войсками герцог Брауншвейгский объявил, что Париж будет разгромлен, если под угрозой окажутся «безопасность и свобода» королевской семьи. Манифест дошел до Парижа 1 августа и послужил поводом к восстанию 10 августа.

¹⁶ См. примечание 8.

самый Карно, который заставляет плеватьс я-на профессора Шоню, находился на службе у Наполеона даже в период Ста дней.

Я знаю все это и знаю, как Наполеон шлифовал легенду о себе, чтобы предстать в мемуарах сторонником Революции. Шлифовал так старательно, чтобы щёголь всегда мог сказать: «И этого Людоёда породили вы».

Однако, гражданин, самое важное здесь знать не то, к какой традиции примыкал Наполеон и что он укреплял. Ведь очевидно, что он упорно избегал Революции.

Но у нас вызывает удивление ненависть, которой окружены два-три года истории Франции — 1792—1794,— и те равнодушные, понимание, благожелательность, нежность или восторг, с какими «хорошие» историки изучают шестнадцать лет нашей истории (1799—1815), и все то, что породили эти годы. И нас удивляет, каким образом одни и те же люди преобразуются в беспощадных цензоров, едва речь заходит о Конвенте...

Итак, каким событиям Французской революции наши щёголи хотят вынести приговор? Какую часть прошлого Франции стремятся извратить? Какой импульс — подавить, какой крик — придушить?

Не жестокость и преступления, не преследования, не беззаконие и несправедливость жаждут они вырвать с корнем. В Революции для всего этого найдется немало причин, кто же спорит?

Они разоблачают не произвол и разбой власти или вооруженную силу, к которой люди прибегают, пытаясь сломить закон или общество.

Они хотят реабилитировать отнюдь не тех, кого несправедливо преследовали, унижали и оскорбляли, или вернуть человеческое достоинство тем, кому в нем было отказано жизнью.

Если было бы иначе, они выглядели бы неутомимыми борцами, стремящимися поведать не только о жизни шуана, но и о судьбах всякого и голодного, о гибели якобинца, зарезанного во время «белого террора» в Марселе¹⁸. И стали бы обвинителями (столь же неподкупными, как и ты, гражданин Робеспьер) насилия и военной диктатуры, будь эта последняя даже коронована в соборе Парижской богородицы.

Но нет, у них вызывает отвращение только одно, вполне определенное насилие — то насилие, чьи истоки кроются в жажде равенства.

Подобное насилие и рождает у них ненависть и страх. Революция сроднила принцип равенства с нацией, сдлав его краеугольным камнем нашей истории, и это по-прежнему приводит их в ярость. Точно так же приходил в ярость еще Бёрк.

В их глазах Равенство — непотухающий вулкан, что может в любое мгновение проснуться вновь, ибо с него ведет начало наша современная история.

Со словом «Свобода» они делают что хотят. Перекрашивают его в экономический «либерализм» и постоянно пользуются им как отговоркой.

И от слова «Братство» отделяются так же.

Но вот в чем дело, гражданин: год 89-й, а потом год 93-й — и ты был одним из организаторов событий — объединили слова «Свобода» и «Братство» со словом «Равенство».

Ты понимаешь, почему им безразлично, что Бонапарт задушил Свободу, поставив под ружье целые поколения и обескровив страну.

Наполеон — это порядок. Он посадил Равенство под замок, приковал его к Гражданскому кодексу. Громадный прогресс, ничего не скажешь.

Но это Равенство стояло в строю и шагало в ногу. Стоит рухнуть Империи и распасться ее Великой армии, стоит возникнуть Республике, как их вновь охватывает паника: Равенство может сойти со страниц Гражданского кодекса, вступить в жизнь, и принцип его завоюет новые пространства.

Вот почему они плачут, по столь изящному выражению г-на профессора Шоню, на 1789 год, на Карно или на тебя, гражданин Робеспьер.

Итак, накануне двухсотлетия Революции они, может быть, впервые надеются добиться успеха.

Ибо в течение двадцати лет они бьют с удвоенной силой. А победа социалистов в 1981 году омолодила их ненависть и оживила их страх.

Они снова подняли на ноги всех своих мыслителей.

Мы слышим, как они цитируют Гюстава Лебона: «Народ, беспрестанно требующий равенства, почти созрел для того, чтобы принять рабство». Или Бердяева: «Во имя свободы творчества, расцвета жизни и высших ценностей я смею утверждать, что надо оправдать неравенство. Я по-прежнему верю, что равенство — идея бесплодная, что социальная справедливость должна основываться на достоинстве отдельной личности, а не на равенстве» (проецировано Луи Повелем в журнале «Фигаро магазин», 1981 г.).

Им действительно необходимо убедить людей, будто равенство — зло, а неравенство — благо. И это дает возможность заодно уничтожить налог на крупные состояния! Получить маленькие чаевые с больших идей!

В 1789 году французская нация приняла жестокое крещение. И Равенство держало Республику над купелью.

Если ни один человек больше не будет оспаривать сей принцип, нация спустя два века наконец-то придет в «нормальное состояние».

А для этого надо прежде всего и окончательно ликвидировать 1789 год. Усвоить уроки Эдмунда Бёрка.

И убедить всю страну, что Революция — это «основополагающее преступление», как квалифицировал ее один публицист.

¹⁸ «Белым террором» (в противоположность «красному террору» монпаньяров) окрестили репрессии против санкюотов на юго-востоке Франции (в Лионе, Марселе, Авиньоне) и в Париже. Вторая волна «белого террора» прокатилась летом 1799 года по Бандее, Нормандии, и югу страны.

Тогда-то, убедившись, что ты, гражданин Робеспьер, был «литератором-неудачником», который мстил за свои комплексы несчастным французам, убедившись, что Революция была делом нескольких озлобленных вожаков, способных дать фору эзэсовцам и мучителям всех времен, окончательно уверовав, что в Революции — истоки тоталитаризма, — а значит, и ГУЛАГа, — мы бы покончили со своими «гражданскими войнами».

Мы созрели бы для спокойного подчинения существующему порядку вещей.

То есть были бы согласны принять под флёром изменчивой видимости незыблемость иерархии, а значит — закон сильнейших.

Однако не думай, гражданин Робеспьер, будто я тоскую по Революции.

Когда раскалывается земля, на поверхности клокочет лава, сжигая все на своем пути.

А я думаю, что худший из компромиссов лучше разрушения и убийств.

Гражданин, мне кажется, ты думал точно так же и, вопреки мрачным легендам, выступал за компромисс.

Но ты противостоял политике наихудшего, и настал момент, когда пришлось выбирать между капитуляцией и контрреволюцией. И ты выбрал сопротивление.

Некоторые думают, что при такой альтернативе лучше капитулировать, что таким образом мы сохраним больше жизней, а следовательно, и будущее, даже если, капитулируя, мы выдаем палачам миллионы людей, связанных по рукам и ногам.

Это, гражданин, зависит от обстоятельств, и каждый определяет свое поведение в зависимости от того, кто он такой и во что верит.

Пусть все-таки раз и навсегда будет ясно: выносить другому смертный приговор — гнусно.

И пусть уроком двухсотлетия будет вывод — нужно любой ценой сохранить гражданский мир.

Но это подразумевает, гражданин, действительное представление о нашей Революции. Ее жестокости. Причинах ее взрыва. Даже ответственности сторон. И условиях тяжкого, жесткого навязывания «компромисса» защитниками политики наихудшего.

О позднейших попытках Республики законным путем ввести принцип равенства в общественную деятельность, обеспечить динамичность нации при отказе от резких надломов. И об условиях сохранения нашей самобытности.

И этот урок тоже должно усвоить. Республика как средство расширить равенство шансов и прав, привести в движение людей и мысли — это всегда новая идея и режим, в сущности своей не заверченный.

Во всяком случае, гражданин, знай, что мы не изменили своим убеждениям.

Поскольку на тебя еще будут клеветать, будут искажать Революцию, мы, говоря словами Жореса, решительно сядем на скамью рядом с тобой.

Даже если мы оспариваем отдельные твои решения, ясно видим твои слабости, недостатки и мотивы твоих поступков.

Мы не создаем твоего культа, но все-таки хотим принять на себя нашу долю оскорблений и плевков, что адресованы тебе и сквозь тебя целят в Революцию, жарким пламенем опалившую твою холодность. Революция не погибла, ибо она — пылающий очаг живого Равенства.

И мы готовы ответить фальсификаторам.

Всегда почетно, гражданин Робеспьер, быть рядом с теми, кто провозгласил Декларацию прав человека и гражданина, дал народу Республику.

И кто совсем просто решил, что нашими основными принципами будут Свобода, Равенство и Братство.

Слова?

Да, слова, но с ними люди «шли на штурм неба».

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮЛЯ 1955 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ»
МОСКВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

СОДЕРЖАНИЕ

7

июль 1989

ЖАН-ПОЛЬ САРТР — Тошнота (Роман. Перевод с французского Ю. Яхниной. Послесловие Л. Андреева)	5
СЕН-ЖОН ПЕРС — Из трех поэм (Перевод с французского Георгия Агамовича, Георгия Иванова, Натальи Стрижевской, Мориса Ваксмахера)	134
Литературное наследие	
АНДРЕ ШЕНЬЕ — Ямбы (Вступление А. Д. Михайлова. Перевод с французского Геннадия Русакова)	145
ДЖЕЙМС ДЖОЙС — Улисс (Роман. Продолжение. Перевод с английского В. Хинкиса и С. Хоружего)	154
Е. Гениева — Комментарии	181
Антирубрика	
ЖАН ЖИРОДУ — На волоске (Рассказ. Перевод с французского И. В. Радченко)	187

Публицистика

- МАКС ГАЛЛО—Открытое письмо Максимилиану Робеспьеру о новых щёголях (Фрагменты книги. Перевод с французского Л. Токарева) 189
- Ю. КАГРАМАНОВ — «Минуты роковые» и 200 лет 202

Критика

- Мир темных пророчеств и добрых напутствий
- МОРИС ВАКСМАХЕР — Путешествие в глубь души 213
- РОЖЕ ГАРОДИ — Сен-Жон Перс (Глава из книги «О реализме без берегов») 215
-
- К 100-летию со дня рождения Жана Кокто
- Н. МАВЛЕВИЧ — Разрушитель хороводов 222
- ЖАН КОКТО — О порядке в обличье хаоса (Перевод с французского Н. Мавлевич) 224

Резонанс

- Тема для дискуссии: свобода и революция
- М. В. ТОЛМАЧЕВ — Великая французская революция и свобода печати 230
- В. М. СЕРГЕЕВ — Деспотизм свободы 236
-
- На анкету «ИЛ» отвечают зарубежные русисты
- К. С. Кароль (Франция), Саймон Карлински (США), Фридрих Хитцер (ФРГ), Анжей Дравич (Польша), Жорж Нива (Швейцария) 240
- Курьер «ИЛ» 250
-
- Авторы этого номера 255

© «Иностранная литература», 1989

Художественный редактор Е. Н. Черняев.

Технический редактор Е. П. Поляков.

Адрес редакции: 109017, Москва, Пятницкая, д. 41, телефон 233-51-47.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР»
Москва, Пушкинская пл., 5.

Журнал выходит один раз в месяц.

Сдано в набор 26.04.89. Подписано в печать 26.06.89. Формат 70×108¹/₁₆.
Печать высокая. Бумага книжно-журнальная. Усл. печ. л. 22,4.
Усл. кр.-отт. 23,8. Уч.-изд. л. 26,36.

Тираж 420 000 экз. (1-й завод: 1 — 350 000 экз.). Зак. 1675.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
«Известий Советов народных депутатов СССР» имени
И. И. Скворцова-Степанова, 103798, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская пл., 5.